

его сердце. На это он ответил ей, что, если бы она увидела сердце его так, как видит его лицо, она никогда бы не задала ему этого вопроса. Ей захотелось узнать, что все это значит, и она так настойчиво стала его расспрашивать, что он признался ей, что любит некую даму, благородство и строгий нрав которой не знают равных. Но как королева ни старалась выведать у него, кто эта дама, как ни просила и ни требовала, чтобы он назвал ее имя, он ей больше ничего не сказал. Тогда она притворилась рассерженной, сказав, что, если он не назовет ей имени этой дамы, он больше не услышит от нее ни слова. Дворянина это так огорчило, что он вынужден был ответить, что скорее готов умереть, чем признаться. Но в конце концов, видя, что он теряет не только расположение королевы, но и возможность видеться с ней – и все из-за того, что отказывается открыть ей истину, которая сама по себе столь благородна, что никто не должен подумывать о ней ничего худого, – он со страхом сказал ей:

– Государыня, у меня не хватит ни силы, ни присутствия духа, ни храбрости произнести при вас имя этой дамы, но, как только вы поедете на охоту, я вам ее покажу, и я уверен, что вы согласитесь со мной, что это образец совершенства и красоты.

Ответ этот так заинтриговал королеву, что она велела очень скоро устроить охоту. Элизор, которого об этом известили, приготовился сопровождать ее, как он всегда это делал. Он заказал себе большое стальное зеркало, формой своей продолжавшее нагрудник, и, укрепив его на животе, тщательно прикрыл широким плащом. А плащ этот был из черного сукна, богато расшитый золотом и отделанный канителью. Конь у него был вороной, а сбруя золотая с чернью, мавританской работы. Шляпа на Элизоре была из черного шелка, и на ней был изображен Амур, прикрытый плащом, а все было украшено драгоценными камнями. Шпага его и кинжал отличались такой же красотой и тонкой работой и были украшены не менее выразительными эмблемами. Словом, он был хорошо снаряжен и отменно ловок в верховой езде. И все те, кто видел, как он пускал коня то рысью, то галопом, заставляя его брать препятствия, с таким восхищением заглядывались на него, что забывали об охоте. Проводив королеву до того места, где были расставлены тенета, едучи, как я уже говорил, то галопом, то рысью, Элизор сошел с красавца коня и поспешил помочь королеве сойти с иноходца, на котором она ехала. А когда она протянула ему обе руки, он откинул плащ и, взяв ее за руки, показал ей спрятанное под ним стальное зеркало и сказал:

– Государыня, прошу вас, взгляните сюда!

И, не дожидаясь ответа, осторожно спустил ее на землю. Когда охота кончилась, королева вернулась в замок, и Элизор не услышал от нее ни слова. Но после ужина она позвала его к себе и сказала, что он отъявленный обманщик, – не он ли обещал, что во время охоты покажет на ту, кого любит больше всего на свете, и так и не исполнил своего обещания; теперь она видит, что он недостоин ее благосклонности. Элизор, боясь, что королева не поняла того, что он хотел выразить, ответил, что был верен своему слову, ибо показал ей не только любимую женщину, но и самое дорогое из того, что у него есть в жизни. На это королева недоуменно возразила ему, что никакой женщины он ей не по'кавал.

– Это верно, государыня, – сказал Элизор, – а что я вам показал, когда помогал вам сойти с лошади?

– Ровно ничего, – ответила королева, – разве только зеркало, которое вы приставили к нагруднику.

– А что же вы увидели в этом зеркале? – допытывался Элизор.

– Ничего, кроме собственного лица, – отвечала королева.

– Так вот, государыня, – сказал Элизор, – повинуюсь вам, я только исполнил свое обещание, ибо в сердце моем нет и никогда не будет никакого другого изображения, кроме того, которое вы узрели в этом зеркале. Это единственное существо, которое я хочу любить и лелеять – и не как женщину, а как божество мое здесь, на этой земле, которому я поручаю распоряжаться жизнью моей и смертью. И я боюсь, чтобы моя безмерная возвышенная любовь к вам, которая, будучи скрыта ото всех, давала мне силы жить, не принесла бы мне смерть теперь, когда я вам открылся. И если я не достоин ни глядеть на вас, ни быть вашим верным слугой, позвольте мне по крайней мере жить и впредь той радостью, которая у меня доселе была. Сердце мое избрало своей долей любовь совершенную и безраздельную, дарующую мне счастье одним лишь сознанием, что она совершенна и безраздельна и что я продолжаю любить, хоть самого меня никогда не полюбят. И если, узнав об этой моей любви, вы не станете ко мне благосклонней, чем были, молю вас, не лишайте меня по крайней мере жизни, а жизнь моя – в том, чтобы видеть вас, как я привык. Ибо мне